

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК-94 (47-57) 1917/1991
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.1

А. В. Аверьянов

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ СРЕДИ ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ НА ДОНУ, КУБАНИ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1920–1930-е гг.

В статье анализируется проблема организации работы среди женского населения (женработа) в этнической среде на Дону, Кубани и Ставрополье. В современной историографии при изучении женского вопроса в южнороссийском макрорегионе в 1920–1930-е гг. основное внимание уделяется национальным автономиям Северного Кавказа, в то время как этнические меньшинства, проживавшие за их рамками (т.н. дисперсные этносы), до сих пор остаются вне исследовательского внимания. Актуальность изучения опыта работы среди женской части населения данных этнических сообществ, рассеянных по всей территории Юга России, обусловлена тем, что позволяет осветить многие вопросы государственной политики в дисперсной этнической среде под новым углом зрения. Подчеркивается, что работа среди представительниц этнических меньшинств имело двойное измерение, будучи частью женского вопроса в Советском государстве и неотъемлемой составляющей национальной политики. На основе широкого комплекса архивных документов

выявлены основные задачи, направления и механизмы женработы в этнической среде. Показана её специфика и особенности проведения на Дону, Кубани и Ставрополье как субрегионе Юга России, или Юго-Востока в терминологии 1920–1930-х гг. Реконструирована система и структура руководства женработой на всесоюзном и региональном уровне, в том числе выделена ключевая роль в этом процессе партийных органов. Выявлены факторы, затруднявшие работу среди женского населения с учетом дисперсного характера расселения этнических меньшинств на Дону, Кубани и Ставрополье, особенностей их социального, культурного и хозяйственного развития. Определены механизмы, компенсировавшие недостатки женработы среди этнических групп в указанном регионе.

Ключевые слова: женский вопрос, работа среди женского населения, женский актив, этнические меньшинства, национальные меньшинства, дисперсные этносы, Юг России, Северный Кавказ, Дон, Кубань, Ставрополье.

Anton Averyanov

SPECIFIC FEATURES OF WORK AMONG THE WOMEN POPULATION IN THE ETHNIC ENVIRONMENT ON THE DON, KUBAN AND STAVROPOL REGION IN 1920–1930s

The article analyzes the problem of organizing work among the female population in the ethnic environment in the Don, Kuban and Stavropol regions. In modern historiography, in the study of women's issue in the South Russian macroregion in the 1920s-1930s the main attention is paid to the national autonomies of the North Caucasus, while the ethnic minorities living outside them (dispersed ethnic groups) still remain outside research attention. The relevance of studying the experience of work among the female part of the population of these ethnic communities, scattered throughout the South of Russia, is due to the fact that it allows us to highlight many issues of state policy in a dispersed ethnic environment from a new angle. It is emphasized that the work among the representatives of ethnic minorities had a double dimension, being part of the women's issue in the Soviet state and an integral part of national policy. On the basis of a wide range of archival documents, the main tasks, directions and mechanisms

of women's work in an ethnic environment have been identified. The study shows its specificity and features of the Don, Kuban and Stavropol Territories as a sub-region of the South of Russia, or the South-East in the terminology of the 1920-1930s. The system and structure of the leadership of women's work at the all-Union and regional levels has been reconstructed, including the key role of party bodies in this process. The factors that made it difficult for the female population to work were identified, taking into account the dispersed nature of the settlement of ethnic minorities in the Don, Kuban and Stavropol regions, the peculiarities of their social, cultural and economic development. The mechanisms that compensated for the shortcomings of female work among ethnic groups in the specified region have been identified.

Key words: women's issue, women's work, women's asset, ethnic minorities, national minorities, dispersed ethnic groups, the South of Russia, the North Caucasus, Don, Kuban, Stavropol region.

На современном этапе развития российской историографии изучение дисперсной этнической среды на Юге России стало объектом пристального научного интереса. Можно говорить о складывании определённой исследовательской традиции, представленной в работах В. З. Акопяна [1], Н. Ф. Бугай [2], И. Г. Иванцова [14], К. Н. Максимова [15]. Этими и другими авторами были изучены многие аспекты из жизни этнических общин в южнороссийском макрорегионе, в том числе армян, немцев, греков, туркмен, шапсугов, калмыков, которые касались их экономического, политического и культурного развития.

Тем не менее, некоторые вопросы по-прежнему остаются малоизученными, в том числе государственная политика в женской среде. Между тем, указанная гендерная группа, составлявшая половину от численности всех этнических меньшинств, была важнейшей целевой аудиторией государственной политики в регионе. Данное направление работы, которое курировалось партийными органами на самом высоком уровне, считалось одним из важнейших и приоритетных, в том числе на Юге России с его традиционным укладом жизни, особенно на территориях с компактным проживанием этнических, а в терминологии 1920–1930-х гг. национальных меньшинств.

Целью настоящей статьи является выявление основных задач, направлений и специфики политики среди женского населения дисперсных этносов, проживавших на Юге России за рамками национальных автономий, главным образом на Дону, Кубани и Ставрополье.

Специфика государственной и партийной работы среди женщин (женработа) в этнической среде заключалась в том, что она имела двойной контур – гендерный и национальный. Оба направления государственной политики представляли большое значение для молодого Советского государства как в идеологическом, так и в практическом плане. Равенство мужчин и женщин в правах, в том числе обеспечение политического равноправия, было закреплено в первой советской Конституции 1918 г. Женработа в этнической среде, с одной стороны, была встроена в общую повестку решения женского вопроса в Советской России; с другой стороны, приобретала свою специфику, требовавшую особого подхода с учетом традиционных социальных отношений и вытекавшего из этого положения женщины в семье и обществе.

Стремление к раскрепощению женщин – «освобождению от оков домашнего рабства» диктовалось не только гуманистическими, но и практическими соображениями. Женская часть населения после предоставления ей избирательных прав представляла собой значительный электоральный ресурс. В процессе разрушения патриархальных устоев, ассоциировавшихся со старыми общественными порядками, которые

необходимо было преодолеть в ходе социалистического строительства, вовлечение женщин в производство и общественную работу могло обеспечить советской власти значительный кадровый ресурс и многочисленную лояльную социально-политическую опору.

О государственной важности женработы свидетельствовал тот факт, что её руководство возлагалось на специально созданные для этого партийные структуры, в том числе на самом высоком уровне. В сентябре 1919 г. при ЦК РКП(б) был создан Женотдел, который состоял из трех подотделов: организационно-инструкторского, агитационно-пропагандистского и печати, а также сектора по работе среди женщин Востока [18, с. 71].

Женотделу ЦК РКП(б) подчинялись одноименные структуры, созданные на уровне партийных организаций республик, краев, областей (губерний), районов. На Северном Кавказе первоначально женская работа велась подотделом по работе среди женщин, который тесно взаимодействовал с подотделом национальных меньшинств в составе секретариата Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) [16, л. 21]. После административно-территориальных изменений в 1924 г. женская работа стала курироваться Женотделом Северо-Кавказского крайкома РКП(б)-ВКП(б) и одноименными структурами на уровне областей, округов и районов. Важная роль в национальных административно-территориальных образованиях отводилась коренизации аппарата женотделов. На XIII съезде РКП(б) в 1924 г. было принято решение о необходимости их комплектования кадрами из местного населения [18, с. 72].

Приоритет в женской работе в Северо-Кавказском крае отдавался национальным автономиям, в том числе Чечено-Ингушской АО, Северо-Осетинской АО, Кабардино-Балкарской АО и др. Отмечалось, что «горянка живет под игом семейно-бытовых традиций и экономического гнёта» [17, л. 76–76 об]. Экономическое и политическое «освобождение горянки» провозглашалось одной из важнейших задач в этнической среде. С целью завоевания доверия со стороны «националок» считалось необходимым облегчить им условия хозяйственной деятельности, домашнего труда и быта, в том числе через создание трудовых артелей, устройство детей в школы, ясли и детские сады [17, л. 76 об]. В рамках агитационно-пропагандистской работы среди женского населения регулярно проводились женские конференции и съезды, в том числе на краевом уровне, куда делегировались общественные активистки от национальных областей.

Женработа в дисперсной этнической среде в целом исходила из тех же принципов и задач, которые реализовывались в национальных автономиях. На I Краевом совещании армянских секций в 1925 г. отмечалась необходимость объединения

работниц армянок по производственному принципу для облегчения и улучшения условий работы путём организации артелей швей, прачек, ткачей и т.д. [24, л. 11]

В рамках общественно-политической деятельности женщины привлекались на руководящую и техническую работу в составы аппаратов советских органов на местах, в том числе в сельские и районные советы, их президиумы и комиссии. Тем не менее, женрбота в дисперсной этнической среде имела свои особенности и специфику. Она обуславливалась «рассеянным» характером проживания этнических меньшинств, социальной замкнутостью и культурной изолированностью от окружающего, преимущественно восточнославянского населения. Учитывая, что основная часть этнических групп проживала в сельской местности, их отличал высокий уровень консервативного уклада жизни и общественных, в том числе семейно-бытовых отношений.

С целью обеспечения широкого охвата населения и массового характера социальной и идеологической работы в дисперсной этнической среде в 1920-е гг. на территории русских округов Северо-Кавказского края были созданы семь национальных районов. В том числе, Туркменский, Шапсугский, Армянский, Мясниковский, Ванновский, Калмыцкий, Греческий национальные районы [26, с. 66]. Тем не менее, большая часть представителей самых многочисленных этнических общин на Дону, Кубани и Ставрополье – армяне и немцы, а также значительная доля малочисленных этнических групп, среди которых были ассирийцы, калмыки, горские евреи, поляки и другие, проживала за рамками национальных районов. Это обуславливало крайние формы социальной консервации в инокультурном окружении, либо ассимиляцию, особенно в городах, что значительно затрудняло проведение национальной политики, особенно среди женского населения.

Наиболее низкими темпами в дисперсной этносреде осуществлялось партийное строительство по причине политической пассивности «нацмен», нейтрального отношения к советской власти и нехватки политически подкованных активистов. Значительным барьером на пути вовлечения этнических меньшинств в партийную работу было плохое знание или абсолютное незнание русского языка. Наиболее низкие показатели грамотности наблюдались именно среди женской части населения. Так, комиссия по обследованию донских армянских сел будущего Мясниковского национального района в 1925 г., в том числе Чалтыря, Крыма, Больших Салов, Несветая, отмечала, что «все женщины, то есть половина населения не владеет русским языком; исключение составляют единицы» [6, л. 29]. С учетом того, что именно партийные органы руководили женской работой в дисперсной этнической среде, слабость и ма-

лочисленность партийных структур не только на уровне сельсоветов, но и национальных районов замедляла её динамику. В результате окружные и районные женотделы, уровень коренизации которых был чрезвычайно низким, зачастую игнорировали нужды и потребности женской части населения этнических меньшинств Северо-Кавказского края.

В зоне смешанного проживания этнических общин с русским населением рекомендовалось вовлекать нацменок в женские конференции с русскими крестьянками [4, л. 11]. Особая роль на уровне райкомов партии уделялось созданию курсов подготовки женактива, женских красных уголков, мастерских [25, л. 12]. В условиях «рассеянного» характера проживания этнических общин на Дону, Кубани и Ставрополье большое внимание уделялось расширению сети организаторов работы среди женщин (женорганизаторы), чья деятельность курировалась местными партийными или комсомольскими структурами. Их состав формировался преимущественно из работниц-активисток и комсомолок, которые вели пропагандистскую работу в женской среде, в том числе выступали с лекциями, проводили женские собрания с воспитательными и разъяснительными беседами, занимались организацией курсов по ликвидации неграмотности среди женщин.

Главным показателем успешности женрботы в этнической среде была степень вовлеченности женского населения в общественно-политическую деятельность. Стереотип о социально-политической пассивности женщин оставался довольно устойчивым, в том числе в тех общинах, где уровень женской грамотности был достаточно высок. Так, несмотря на то, что этот показатель среди женщин был значительно выше, чем среди женщин из других этнических групп, степень и характер их участия в общественной работе оставался на низком уровне, особенно в дисперсно расположенных колониях. Например, в ходе выборов в Александровский немецкий сельсовет в Донском округе в 1925 г. специальной комиссией, обследовавшей положение национальных меньшинств в регионе, отмечался «неизжитый и глубоко сидящий предрассудок о том, что женщина не годится для общественной работы; несмотря на то, что немки поголовно грамотны, в Сельсовете одна только женщина (учительница). На общегражданских собраниях ... не более 2-3 женщин» [6, л. 94]. На перевыборах в Эбентальский немецкий сельсовет в Терском округе в 1926 г. на вопрос о возможности участия женщин в выборах «...мужчины и часть женщин на это ответили с усмешкой и говорили – работа в совете – не бабье дело... при этом мужчины делали всё время отводы женщинам, мотивируя их неработоспособностью» [4, л. 63].

Ещё более сложная ситуация с вовлечением женщин в общественную работу складывалась в других этнических группах с присущими им мусульманскими культурными традициями (туркмены, шапсуги, черкесы, татары). Большое влияние восточных традиций на гендерные роли было характерно для армянского населения, мигрировавшего на Юг России из Турции, а также донских армян, прибывших в своё время из Крыма и испытавших на себе влияние татарской культуры. Партийные активисты, обследовавшие армянские села Аксайского района в 1925 г., отмечали: «Из бытовых особенностей необходимо отметить забитое положение женщины – следы 600-летнего пребывания армян ... в татарском окружении, которое чувствуется до сих пор;... даже комсомол не в состоянии справиться с этим бытовым явлением... на собраниях РЛКСМ девочки и мальчики сидят отдельно, то же самое на собраниях взрослых, то же и в церкви – мужчины впереди, женщины сзади» [5, л. 90 об]. Ситуация усугублялась низким уровнем грамотности среди женщин, постоянной ответственностью за детей, отсутствием свободного времени для получения образования и саморазвития.

Однако, несмотря на имевшиеся трудности, государственный курс на вовлечение женщин в общественно-политическую работу оставался неизменным. На выборах в сельсоветы выделялись специальные женские квоты. При сельсоветах создавались и функционировали ясли и детские площадки, чтобы на время общественной работы освободить женщин от домашних обязанностей. Во второй половине 1920-х гг. представленность женщин в советских органах власти в национальных районах и сельсоветах Северо-Кавказского края неизменно увеличивалась. Большое внимание уделялось соблюдению классового отбора при выдвижении кандидаток на общественную и руководящую работу – приоритет отдавался представительницам бедняцких и середняцких хозяйств [25, л. 12].

С началом коллективизации женрбота активизировалась. В 1929 г. Ванновская районная партийная организация отчиталась об избрании 30 женщин в состав сельсоветов, что составляло 31,5 % от всех членов; 6 женщин стали заместителями председателей. В районном исполнительном комитете заседали 3 женщины, в том числе одна в президиуме [19, л. 68]. Примерно такая же пропорция женского представительства выдерживалась и в ряде других национальных районах. Так, в Мясниковском районе по итогам выборов в сельсоветы 1929 г. доля избранных женщин составила 25 % [11, л. 38]; в Армянском районе в 1931 г. из 211 членов восьми сельсоветов 55 были женщинами, в президиумах 11 из 47 [21, л. 21]. В Греческом районе, образованном позже остальных, данные показатели несколько отставали. Од-

нако если в 1930 г. из 147 членов сельсоветов района женщины составляли 23 человека, то к 1931 г. из 190 работников число женщин увеличилось до 41 [23, л. 28]. Необходимо отметить, что доля представительниц этнических меньшинств в советских органах власти национальных районов составляла хотя и не подавляющую, но все же значительную часть. В ходе политики коренизации, продолжавшейся до второй половины 1930-х гг. этот показатель сохранял положительную динамику.

Аналогичный процесс наблюдался в национальных сельсоветах «русских» районов. В состав Греческого сельсовета Курсавского района Ставропольского округа в 1926 г. было избрано 3 женщины-гречанки (ранее была одна); в состав Дубово-Балковского греческого сельсовета того же округа – одна женщина (до этого женского представительства не имелось). Председателем Подгорненского эстонского сельсовета на Ставрополье была избрана женщина-крестьянка (эстонка), Розовского немецкого сельсовета – женщина-крестьянка (немка), что расценивалось районными властями как весьма крупное достижение [13, л. 51 об].

Однако, несмотря на рост формальных показателей женской представленности в советских органах власти качество их работы в большинстве случаев оставалось на низком уровне. На партийной конференции в Ванновском районе отмечалось, что лишь 20% избранных в сельсоветы женщин регулярно ходили на пленумы; присутствовавшие на заседаниях «молчат, не выступают (в особенности немки). Замы не инициативны» [13, л. 68]. На I партийной конференции Шапсугского района в 1931 г. констатировалось, что «работы с женщинами у нас нет, есть только механическое выдвижение в аппарат и организации» [20, л. 2].

Женрбота в значительной степени проводилась по остаточному принципу. Местные советские и партийные органы фиксировали недостаточные темпы работы среди «женщин-националок». Так, в Греческом районе «за весь период 1930/1931 гг. проведена одна районная женконференция... В избах-читальнях работа среди женщин не ведётся, женуголков в колхозах нет» [23, л. 38 – 39]. Зачастую работа среди женщин ограничивалась периодом избирательных кампаний и не носила системного характера.

С начала 1930-х гг. с учетом нужд коллективизации было принято решение вывести женрботу на новый уровень. В связи со структурной реорганизацией ЦК ВКП(б) женотделы были упразднены. Вместо них были созданы женские сектора в отделах агитации и массовых кампаний ЦК ВКП(б), краевых, областных, городских и районных комитетов партии, а также в парткомах крупных предприятий. Отмечалось, что новая структура руководства работой среди женского

населения лучше соответствует масштабу политических и хозяйственных задач в условиях коллективизации и индустриализации и позволяет активизировать женработу по советской, профсоюзной, кооперативной, комсомольской линии [18, с. 75].

На II партийной конференции Греческого района в 1932 г. в числе основных задач и направлений работы среди женщин отмечалось: «Женработу необходимо перестроить с таким расчётом, чтобы она способствовала завершению сплошной коллективизации и хозяйственному укреплению колхозов, для чего женсектору, райкому, всем партийным ячейкам, фракциям организаций и управлениям колхозов необходимо приблизить работу женпроизводсоветов для непосредственного разрешения всех вопросов хозяйственно-политических кампаний на селе, внутреннего переустройства культурно-бытовых условий села и колхоза, путём плановой систематической упорной работы над вопросами улучшения труда и быта женщин, расширяя сеть детплощадок, организации общественного питания и т. д.» [23, л. 39].

Следующим этапом женской работы стало выдвижение женщин на должность председателей сельсоветов. К 1935 г. в Армянском районе было избрано 12,5 % женщин председателей, в Ванновском районе – 20 %, в Мясниковском районе – 7,7 %, в Шапсугском районе – 12,8 %. Однако в Греческом и Калмыцком районе избрать женщин на должность председателей сельсоветов не удалось, что трактовалось региональными властями как значительный неуспех в рамках женработы [12, л. 136].

Наиболее успешно продвигалась работа в области вовлечения женщин в избирательный процесс. В ходе предвыборных кампаний проводилась активная агитационная компания, выпускалась специальная литература на национальных языках, в ряде случаев создавались специальные пункты голосования отдельно для женщин. Степень общественно-политической активности женского населения напрямую увязывалась с культурной работой, прежде всего ликвидацией неграмотности. С этой целью в избах-читальнях создавались женские уголки.

Такая политика в скором времени дала ощутимые результаты. В Мясниковском районе процент женщин, участвовавших в выборах, с 1927 г. по 1929 г. вырос с 31,7 % до 48,8 %, хотя и оставался одним из самых низких по сравнению с другими национальными районами [11, л. 38]. Донские немки в 1927 г. продемонстрировали 75 % явку на выборах в сельсоветы [7, л. 9 об]. В 1929 г. в Ванновском районе явка женщин-немок составила 38,2 %, что было значительно выше показателей годичной давности – 10,7 % [19, л. 90]. В ряде национальных сельсоветов и районов явка женщин на выборы была выше, чем у мужчин. Так, в избирательной кампании 1931 г. в Армян-

ском районе приняло участие 92 % женщин, что превышало среднюю явку (87 %) [21, л. 21]. К середине 1930-х гг. женская явка на выборах сельсоветов достигла своего пика. В Армянском районе этот показатель составлял 85,9 %, в Ванновском районе – 79,4 %, в Греческом районе – 79,8 %, в Мясниковском районе – 92 %, в Шапсугском районе – 90,2 %, в Калмыцком районе – 82,6 %.

Другим важным направлением работы в женской среде было вовлечение женской части населения в производственный процесс. Женщины активно использовались, прежде всего, на сельскохозяйственных работах. В ходе коллективизации ключевое внимание уделялось созданию системы дошкольного воспитания, в том числе открытию широкой сети ясель и детских садов. Они должны были высвободить значительное количество потенциальных женских рабочих рук, которые могли бы быть использованы на производстве. На районной партийной конференции Греческого района в 1930 г. отмечалось, что «организация детских ясель, детплощадок... должна была способствовать вовлечению женщин в советскую общественную работу» [22, л. 6].

Решение данной задачи в этнической среде представлялось затруднительной по целому ряду причин: нехватки средств и финансирования социальной сферы по остаточному принципу, а также традиционных представлений о семье и месте в ней женщин. Однако, несмотря на имевшиеся трудности в 1930-е гг. решение поставленной задачи вышло на новый уровень. Предполагалось, что значительную часть организационных усилий и финансовых затрат возьмут на себя колхозы и совхозы. В резолюции I Донского окружного совещания членов немецких сельсоветов от 22 мая 1930 г. отмечалась необходимость «расширения амбулаторных, акушерских пунктов и организация сети детских яслей и площадок, в первую очередь при колхозах» [10, л. 24]. В Армянском районе к весне 1934 г. планировалось открыть детские ясли и площадки, которые должны были «охватить всех детей поголовно». Процент участия родителей в содержании яслей определялся общим собранием колхозников. Кроме того, колхозы должны были заботиться об обеспечении яслей и детских садов работающим персоналом. Оплата производилась трудоднями [14, с. 35].

В Греческом районе к 1932 г. было организовано 22 ясельных учреждения и 17 детплощадок (детских садов) [14, с. 65]. В Шапсугском районе охват детей от 3 до 7 лет детскими площадками и детсадами увеличился с 80 человек в 1930 г., до 300 человек в 1931 г., что составляло 37 % от общего количества детей [14, с. 74 – 75]. В Мясниковском районе в декабре 1929 г. отмечалась необходимость «расширить ясельную сеть в колхозах, в 1930 году, летом... открыть 2 яслей в крупных колхозах, на что требуется 3 тыс. В Чал-

тыре [планировалось] иметь постоянные детясли, где имеется большое кол-во батраков, бедняков, рабочих, на что требуется 2000 руб.» [8, л. 45 об]. Если в 1929 г. в Мясниковском районе функционировало пять яслей на 150 детей [9, л. 46], то в 1930 г. планировалось иметь уже 13 ясель на 325 мест. Поскольку районных средств для этого не хватало в утверждённой смете на организацию ясель из местного бюджета отводилось 4,8 тыс. рублей, из окружного – 6 тыс. рублей [8, л. 100].

В 1935 г. в Армянском, Греческом и Шапсугском районах при каждом колхозе действовали по две детских площадки и ясли. В отчете заведующей Нацменотделом Президиума Азово-Черноморского крайисполкома Александровой отмечалось, что «невыход женщин на работу благодаря тому, что не с кем оставить ребят, почти не имеет места». В то же время подчеркивалось, что дошкольная сеть детских учреждений «только разрабатывалась» [12, л. 133 об].

Политика коллективизации и индустриализации способствовала увеличению запроса на трудовые ресурсы, в том числе квалифицированные кадры. Развитие профессионального образования представляло собой приоритетное направление в рамках женработы. 18 июля 1927 г. в резолюции совещания женактива, проводимого женотделом Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), об увеличении приема женщин в профессиональные, средние и высшие учебные заведения, отмечалась необходимость обратить внимание на «тяжелое положение с привлечением в учебные заведения девушек-националок». Признавалось необходимым уделить этому вопросу особое внимание, а также активнее использовать 10 % норму для женского представительства

в учебных заведениях. Крайпрофобру рекомендовалось активно использовать 10 % женскую квоту на предприятиях, где женский труд до этого мало применялся, но его применение считалось возможным, а также обратить внимание на школы, которые обслуживают предприятия с большим применением женского труда, но где девушек в фабрично-заводских училищах почти нет [3, с. 287–288]. Однако приём представительниц дисперсных этнических групп в средне-специальные и высшие учебные заведения, а также вовлечение в промышленное производство носили ограниченный характер, поскольку подавляющее большинство из них проживало в сельской местности и имело низкий уровень социальной мобильности.

Таким образом, работа среди женского населения в дисперсной этнической среде на Юге России в 1920–1930-е гг. имела двойное измерение: с одной стороны, она являлась частью большого женского вопроса; с другой стороны, была продолжением национальной политики. Её специфика обуславливалась сложностью охвата женской целевой аудитории в силу дисперсного расселения многих этнических общин, основная часть которых проживала на территории русских округов и районов – преимущественно на Дону, Кубани и Ставрополье. Более или менее системную женработу удалось наладить в национальных районах. Недостатки общественно-политической работы среди женской части населения и нехватка квалифицированных национальных кадров компенсировались главным образом за счёт усиления социальной работы в этнической среде, что проявлялось в улучшении бытовых условий проживания и на производстве.

Источники и литературы

1. Акопян В.З. Краткий очерк по истории немцев Северного Кавказа. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. – 60 с.
2. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. М.: Гриф и К, 2014. 420 с.
3. Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917-1936 гг.): Сб. док. и материалов. М.: Мысль, 1979. 370 с.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 22.
5. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р – 64. Оп. 3. Д. 22.
6. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп. 1. Д. 941.
7. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп. 1. Д. 1116.
8. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп.1. Д. 1343.
9. ГАРО. Ф.Р – 1798. Оп.1. Д. 1399.
10. ГАРО. Ф.Р – 2713. Оп. 1. Д. 29.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.Р – 1235. Оп. 124. Д. 75.
12. ГАРФ. Ф.Р – 1235. Оп. 130. Д. 3.
13. Государственный архив Ставропольского края. Ф.Р – 299. Оп.1. Д. 784.
14. Иванцов И.Г. Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Альфа-Принт, 2013. – 128 с.
15. Максимов К. Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. – 576 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 9.
17. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 148.
18. Харитоновна С. Б. Создание специального аппарата для работы среди женского населения в 1920-1930-е годы (региональный опыт) // Вестник Чувашского университета. 2007. №3. С. 70 -79.
19. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 493. Оп. 1. Д. 21.

20. ЦДНИКК. Ф. 656. Оп. 1. Д. 6.
21. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп.1. Д. 14.
22. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 5.
23. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1. Д. 15.
24. ЦДНИРО. Ф.7. Оп. 1. Д. 165.
25. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 11.
26. Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774 – 2004). М.: Европа, 2007. 127 с.

References

1. Акопян V.Z. Kratkii ocherk po istorii nemtsev Severnogo Kavkaza (A brief essay on the history of the Germans of the North Caucasus). Pyatigorsk: PSLU publ., 2005. 60 p. (In Russian).
2. Bugai N.F. Kavkaz. Etnicheskie men'shinstva: proshloe i nastoiashchee (Caucasus. Ethnic minorities: the past and the present). Moscow: «Grif» and K Publ., 2014. 420 p. (In Russian).
3. Velikii Oktyabr' i raskreposhchenie zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ya (1917-1936 gg.) (Great October and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia (1917 – 1936). Moscow: Mysl' publ., 1979. 370 p. (In Russian).
4. State archive of modern history of the Stavropol region (GANISK). F. - 5938. Inv. 1. D. 22. (In Russian).
5. State archive of the Rostov region (GARO). F.R. - 64. Inv. 3. D. 22. (In Russian).
6. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 941. (In Russian).
7. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1116. (In Russian).
8. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1343. (In Russian).
9. GARO. F.R. - 1798. Inv. 1. D. 1399. (In Russian).
10. GARO. F.R. - 2713. Inv. 1. D. 29. (In Russian).
11. State archive of the Russia Federation (GARF). F.R. - 1235. Inv. 124. D. 75. (In Russian).
12. GARF. F.R. - 1235. Inv. 130. D. 9. (In Russian).
13. State archive of Stavropol territory (GASK). F.R - 299. Inv. 1. D. 784. (In Russian).
14. Ivantsov I.G. Sovetskie formy «maloy avtonomii». Natsional'nye rayony i sel'sovety na Kubani. 1924-1953 gg. (na materialakh Kubani i Severnogo Kavkaza) (The Soviet forms of «low autonomy». National districts and village councils in the Kuban. 1924-1953. (on materials of the Kuban and the North Caucasus). Krasnodar: Al'fa-Print, 2013. 128 p. (In Russian).
15. Maksimov K. N. Kalmyki v sostave donsogo kazachestva (XVII- seredina XX v.) (Kalmyks as part of the Don Cossacks (XVII - mid XX century). Rostov-on-Don: YuNTs RAS publ., 2016. 576 p. (In Russian).
16. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F.R - 65. Inv.1. D. 9. (In Russian).
17. RGASPI. F.R - 65. Inv. 1. D. 148. (In Russian).
18. Kharitonova S.B. Sozdanie special'nogo apparata dlja raboty sredi zhenskogo naselenija v 1920-1930-e gody (regional'nyj opyt) (Creation of a special apparatus for working among the female population in the 1920s-1930s (regional experience)) // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2007. No. 3. P. 70 – 79. (In Russian).
19. Center of documentation of modern history of Krasnodar region (TsDNIKK). F. - 493. Inv. 1. D. 21. (In Russian).
20. TsDNIKK. F. - 656. Inv. 1. D. 6. (In Russian).
21. TsDNIKK. F. - 1415. Inv. 1. D. 14. (In Russian).
22. TsDNIKK. F. - 2662. Inv. 1. D. 5. (In Russian).
23. TsDNIKK. F. - 2662. Inv. 1. D. 15. (In Russian).
24. The documentation centre of recent history in Rostov region (TsDNIRO). F. - 7. Inv. 1. D. 165. (In Russian).
25. TsDNIRO). F. - 73. Inv. 1. D. 11. (In Russian).
26. Tsutsiev A. A. Atlas etnopoliticheskoi istorii Kavkaza (1774-2004) (Atlas of the ethno-political history of the Caucasus (1774–2004). Moscow: Evropa Publ., 2006. 128 p. (In Russian).

Информация об авторе

Аверьянов Антон Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории XX–XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / aver18071981@yandex.ru

Information about the author

Averyanov Anton – PhD in history, Associate Professor, Chair of Russian history in XX–XXI, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / aver18071981@yandex.ru